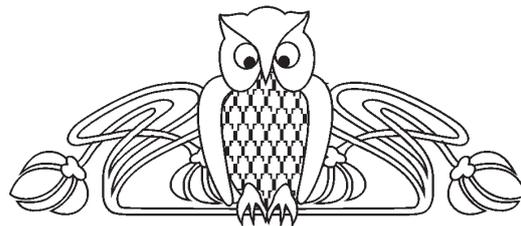

Научная статья
УДК 340

Прецедент в римском праве: основные термины и их содержание

Д. Г. Татарников

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Татарников Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права, demetriost@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7953-3886>

Аннотация. Введение. До сегодняшнего дня господствует мнение о том, что прецедент не играл значимой роли в правовой системе Рима. Однако ряд источников свидетельствуют об обратном, в частности, фиксирующие провинциальную правовую практику папирусные протоколы судебных процессов римского Египта I–III вв. О значимой роли прецедента в правовой системе Рима свидетельствуют также тексты М. Туллия Цицерона, М. Фабия Квинтилиана, Псевдо-Асония, Г. Юлия Виктора. **Теоретический анализ.** Исследование этих текстов позволяет понять, какие термины использовали сами римляне для обозначения авторитетного судебного решения, какое смысловое содержание они в них вкладывали и насколько это содержание близко современному представлению о судебном прецеденте. Для обозначения судебного решения, которое становится образцом и на которое будут ориентироваться судьи, разбирая другие дела со схожими обстоятельствами, римские ораторы используют термины *res iudicata*, *praeiudicium* и *exemplum*. Прецедент, в классическом его понимании, содержит в себе принципиальные правовые положения, сформулированные судьей применительно к конкретному делу, которые принято обозначать термином *ratio dicendi*. Возникает вопрос о том, могло ли решение суда в Риме устанавливать эти правовые положения, которым следовали другие судьи. **Эмпирический анализ.** Ответ на этот вопрос можно получить из рассмотрения дела о так называемом Фульциниевом поместье. Будучи в этом деле представителем Цецины, Цицерон предостерегает рекуператоров от принятия аргументации своего противника Пизона, исходя из правовых последствий их возможного решения. То есть в этом деле судьи могли вынести решение, содержащее новый правовой принцип – сформулировать обобщенное правовое положение применительно к данному делу. **Результаты.** Судебные решения в правовой системе Рима обладали силой авторитета. Они обладали им не просто так, а в силу обобщенной правовой аргументации или правовых принципов, сформулированных судьями применительно к разбираемой ситуации. Именно поэтому они становились прецедентами. Таких судебных решений в Риме было множество, они обладали достаточным авторитетом и содержали в себе определенные правовые принципы, которые судьи применяли при рассмотрении дел со сходными обстоятельствами.

Ключевые слова: прецедент, *res iudicata*, *praeiudicium*, *exemplum*, правовые принципы, обобщенная юридическая аргументация, тяжба о Фульциниевом поместье, авторитет судебного решения

Для цитирования: Татарников Д. Г. Прецедент в римском праве: основные термины и их содержание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 106–111. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-106-111>, EDN: CUQJKD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Precedent in Roman law: Basic terms and their semantic content

D. G. Tatarnikov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitriy G. Tatarnikov, demetriost@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7953-3886>

Abstract. Introduction. Until today, the prevailing opinion is that precedent did not play a significant role in the legal system of Rome. However, a number of sources, in particular the papyrus entries of judgement which record the provincial legal practice in Roman Egypt in the period from the 1st to the 3rd centuries, say otherwise. The significant role of precedent in the legal system of Rome is also evidenced with the texts of M. Tullius Cicero, M. Fabius Quintilian, Pseudo-Asconius, G. Julius Victor. **Theoretical analysis.** The study of these texts makes it possible to understand what terms the Romans used to denote an authoritative judicial decision, what semantic content they put into them, and how close this content is to the modern idea of a judicial precedent. To designate a court decision that becomes a model, and which judges will be guided by when considering other cases with similar circumstances, Roman talkers use the terms *res iudicata*, *praeiudicium*, and *exemplum*. The precedent, in its classical sense, contains the fundamental legal provisions formulated by the judge in relation to this case, which are usually denoted by the term *ratio dicendi*. The question arises whether the decision of the court in Rome could

establish these legal principles followed by other judges. **Empirical analysis.** The answer to this question can be obtained by considering the case of the so-called Fulcinian Estate. Being the representative of Caecina in this case, Cicero warns the recuperators against accepting the arguments of his opponent, Piso, based on the legal consequences of their possible decision. Thus, in this case, the judges could issue a decision containing a new legal principle, formulate a generalized legal position in relation to this case. **Results.** Court decisions in the legal system of Rome had the power of authority. They possessed it for a reason, due to the generalized legal reasoning or legal principles formulated by the judges in relation to the situation under consideration. That is why they became precedents. There were many such court decisions in Rome, they had sufficient authority and contained certain legal principles that judges applied when considering cases with similar circumstances.

Keywords: precedent, *res iudicata*, *praeiudicium*, *exemplum*, legal principles, generalized legal reasoning, litigation about the Fulcinian Estate, the authority of the court decision

For citation: Tatarnikov D. G. Precedent in Roman law: Basic terms and their semantic content. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 106–111 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-106-111>, EDN: CUQJKD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сегодня распространено мнение о том, что судебный прецедент исторически возник и развивался в условиях английской правовой системы [1, с. 258]. Однако еще в 1912 г. Э. Вайс, изучая папирусные протоколы судебных процессов римского Египта I–III вв. [2, р. 833–841], отметил, что их участники чаще ссылаются на вынесенные ранее судебные решения, чем на эдикты или рескрипты [3]. Г. Ф. Йолович, изучая эти протоколы, писал, что в римском Египте «существовала устойчивая практика цитировать судебные прецеденты как аргумент в судебных разбирательствах; прецедент часто выступал в качестве главного основания для вынесения вердикта; причем такая практика облегчалась использованием официальных журналов и сборников, составленных из протоколов, которые были скопированы из этих журналов» [4, р. 12].

Количество ссылок на прецеденты достаточно велико: папирологические источники состоят из 23 судебных протоколов, 12 прошений и 18 документальных досье. Каждая из этих групп содержит ссылки на 30, 12 и 44 прецедента соответственно [5, с. 87].

Вместе с тем большинство исследователей полагают, что судебная практика Рима отличалась от провинциальной судебной практики, поэтому прецедент в Риме значимой роли не играл. Считается, что о прецеденте упоминают, главным образом, риторы, а использование прецедента в судебном процессе – это прием, который можно отнести скорее к средствам риторики, чем к юридической аргументации.

Единственный юридический текст, в котором авторитетному судебному решению в сходных случаях придается сила закона, – рескрипт Септимия Севера: “*Nam imperator noster Severus rescripit in ambiguitatibus quae ex legibus proficiscuntur consuetudinem aut rerum perpetuo similiter iudicatarum auctoritatem vim legis optinere debere*” («Ведь император наш Север предписал,

что в случае сомнений, которые возникают из законов, должен иметь силу закона обычай или авторитет дел, постоянно решаемых судами сходным образом») [6, Callist., 1 quaest. D. 1.3.38]. Согласно общепринятой точке зрения, этот рескрипт можно отнести скорее к провинциальной судебной практике, а поскольку она отличалась от судебной практики Рима, то «прецедент не играл значимую роль в правовой системе Рима» [7, с. 124].

Теоретический анализ

Как кажется, юридическую терминологию нашего времени и ее смысловое наполнение не стоит безоговорочно накладывать на правовую систему Рима. Ни сам термин «прецедент», ни его современное содержание не были знакомы ни римским юристам, ни римским ораторам. Вернее было бы разобраться в том, какие термины использовали сами римляне для обозначения авторитетного судебного решения, какое смысловое содержание в них вкладывали и в какой степени это содержание близко современному представлению о судебном прецеденте.

Обратимся к текстам ораторов, в которых говорится о значимости судебных решений.

1. Цицерон («Топика»): “*Ut si quis ius civile dicat quod esse quod in legibus, senatus consultis, rebus iudicatis, iuris peritorum auctoritate, edictis magistratuum, more, aequitate consistat*” («Как если кто-либо скажет, что гражданское право – это то, что заключается в законах, постановлениях сената, судебных решениях (*rebus iudicatis*), авторитете знатоков права, эдиктах магистратов, обычае, справедливости») [8, Cic. Top. 5.28].

2. Цицерон («Об ораторе»): “*Ad probandum autem duplex est oratori subiecta materies: una rerum earum, quae non excogitantur ab oratore, sed in re positae ratione tractantur, ut tabulae, testimonia, pacta, conventa, quaestiones, leges, senatus consulta, res iudicatae, decreta, responsa, reliqua si quae sunt*” («Для доказательства оратор располагает

средствами двоякого рода. Первое состоит не в том, что придумывает оратор, а в том, что он планомерно извлекает из самого дела; это – документы (*tabulae*), свидетельства (*testimonia*), договоры (*pacta*), соглашения (*conventa*), показания (*quaestiones*), законы (*leges*), постановления сената (*senatus consulta*), судебные решения (*res iudicatae*), указы (*decreta*), заключения правоведов (*responsa*) и все остальное» [9, Cic. De orat. II.116].

3. Квинтилиан («Риторические наставления»): «Ex illo priore genere sunt praeiudicia, rumores, tormenta, tabulae, ius iurandum, testes, in quibus pars maxima contentionum forensium consistit» («Из этого к первому роду доказательств относятся преюдициальные решения (*praeiudicia*), слухи, показания под пытками, письменные доказательства, сакральная присяга, свидетели, им принадлежит наибольшее значение в судебных делах») [10, Quint. Inst. orat. V.1.2].

4. Квинтилиан («Риторические наставления»): «Iam praeiudiciorum vis omnis tribus in generibus versatur: rebus quae aliquando ex paribus causis sunt iudicatae, quae exempla rectius dicuntur, ut de rescissis patrum testamentis vel contra filios confirmatis: iudiciis ad ipsam causam pertinentibus, unde etiam nomen ductum est, qualia in Oppianicum facta dicuntur et a senatu adversus Milonem; aut cum de eadem causa pronuntiatum est, ut in reis deportatis et adsertione secunda et partibus centumviralium quae in duas hastas divisae sunt. Confirmantur praecipue duobus: auctoritate eorum, qui pronuntiaverunt, et similitudine rerum, de quibus quaeritur; refelluntur autem raro per contumeliam iudicum, nisi forte manifesta in iis culpa erit. Vult enim cognoscentium quisque firmam esse alterius sententiam, et ipse pronuntiaturus, nec libenter exemplum, quod in se fortasse reccidat, facit» («Ныне вся сила преюдициальных решений заключается в трех разновидностях: в делах, по которым когда-нибудь уже были вынесены судебные решения, исходя из подобных случаев, которые вернее называть образцами/прецедентами (*exempla*), как, например, дела об отцовских завещаниях, признанных недействительными или утвержденных против интересов детей; в судебных решениях, относящихся к самому делу, откуда они свое название и получили, таковыми были, как говорят рассмотренные сенатом дела против Оппианика и Милона; или когда по тому же самому делу было сделано заявление; как то бывает с преступниками, осужденными в ссылку, и при вторичном заявлении перед судом, а также при судебных процессах центумвиров, разделенных на две части. Они [преюдициальные решения] утверждаются, главным образом, по двум причинам: благодаря авторитету тех лиц, которые

вынесли такие решения, и из-за сходства дел, по которым ведется разбирательство. Из-за угрозы бесчестья судьей они редко отвергаются, разве что в них [в этих делах] откроется, явна вина [судей]. Ведь каждый судья склонен подтверждать приговор другого [судьи]: поскольку он сам в будущем может подвергнуться осуждению, то неохотно создает образец судебного решения / прецедент того, что может обратиться против него самого) [10, Quint. Inst. orat. V.2.1–2].

5. Псевдо-Асконий («Дивинация против Цецилия»): «Praeiudicium dicitur res, quae, cum statute fuerit, affert iudicaturis exemplum, quod sequantur; iudicium autem res, quae causam litemque determinat» («Преюдицей называется дело, которое, после того как было установлено, подает образец/прецедент будущим судебным решениям, которые [за ним] последуют; судом же дело, которое определяет характер и причину спора») [11, Ps.-Ascon. Div. in Caec. 9.12].

6. Г. Юлий Виктор («Искусство красноречия»): «Praeiudiciorum vis omnis tribus in generibus maxime versatur: rebus, quae aliquando ex aliis causis sunt iudicatae, quae exempla rectius dicuntur, veluti de rescissis partum testamentis vel contra filios confirmatis: item iudiciis ad ipsam causam pertinentibus, unde etiam nomen hoc dictum est, qualia in Oppianicum facta dicuntur et a senatu adversus Milonem: item cum de eadem causa pronuntiatum est... constet oratio. Confirmatur autem praecipue duobus, auctoritate eorum, qui pronuntiaverunt, et similitudine rerum, de quibus quaeritur» («Вся сила преюдициальных решений заключается, главным образом, в трех разновидностях: в делах, по которым когда-либо были вынесены судебные решения, исходя из других тяжб, которые вернее называть образцами/прецедентами, такие как [дела] о признанных недействительными отцовских завещаниях или утвержденных против интересов сыновей. Также в судебных решениях, относящихся к самому делу, откуда произошло это название, таковыми были, как говорят рассмотренные сенатом дела против Оппианика и Милона. Также в устном утверждении, когда по этому же делу сделано заявление. Они [преюдициальные решения] утверждаются, главным образом, по двум причинам: авторитетом тех, кто вынесли решение, и сходством дел, по которым ведется расследование») [11, Iul. Victor. Ars rhet. 6. De praeiudiciis].

Таким образом, в представленных выше фрагментах для обозначения судебного решения, которое становится образцом и на которое будут ориентироваться судьи, разбирая другие дела со схожими обстоятельствами, используются термины *res iudicata*, *praeiudicium* и *exemplum*.

Что касается термина *res iudicata* («судебное дело, тяжба»), то его можно отнести к любому делу; об обозначении этим термином судебного прецедента можно говорить, только исходя из контекста. Синонимом *res iudicata* является *iudicium*.

Пожалуй, самое широкое значение имеет термин *praeiudicium*, его содержание подробно рассмотрено Л. Л. Кофановым. Исследователь констатирует, что римское *praeiudicium* включало в себя, во-первых, любые судебные решения по другим судебным делам, используемым в качестве примеров, т. е. судебных прецедентов; во-вторых, это те предварительные досудебные определения, которые выносились до начала судебного процесса; в-третьих, термином *praeiudicium* обозначалось всякое досудебное и даже внесудебное заявление или, точнее, мнение авторитетного, т. е. обладающего определенными, основанными на авторитете должности или частного гражданина полномочиями отдельного лица, магистра, или группы лиц, или даже всего римского народа [12, с. 9].

Начиная с Квинтилиана, закрепляется мнение, что для обозначения авторитетного судебного решения вернее использовать термин *exemplum*. При вынесении судебного решения судьи в Риме опирались на уже вынесенное ранее решение, если их дело имело с предыдущим схожие обстоятельства. Оратор отмечает, что «каждый судья склонен подтверждать приговор другого судьи» [10, Quint. Inst. orat. V.2.2]. Квинтилиан даже указывает области права, в которых значение судебного прецедента очевидно – «дела об отцовских завещаниях, признанных недействительными или утвержденных против интересов детей» [10, Quint. Inst. orat. V.2.2].

Итак, судебное решение в Риме имело значительный авторитет, подтвержденный развитием судебной практики, хотя, конечно, это и не обязательная связующая сила прецедента, выраженная в англосаксонском праве через принцип *stare decisis*. Прецедент в классическом его понимании обладает не только связующей силой, но и содержит в себе принципиальные правовые положения, сформулированные судьей применительно к данному делу, которые принято обозначать термином *ratio dicendi* [13, с. 97].

Возникает вопрос о том, могло ли решение суда в Риме устанавливать эти правовые принципы – содержать обобщенную правовую аргументацию по конкретному делу, которую потом могли использовать другие судьи?

Эмпирический анализ

Ответ на этот вопрос можно получить из рассмотрения дела о так называемом Фульциниевом поместье [14, Cic. Pro Caec.]. Обстоятельства дела следующие. Цезения после смерти своего первого мужа – М. Фульциния, вышла замуж за А. Цецину. По завещанию первого мужа она являлась *узифруктарией* Фульциниева поместья, а когда это поместье было выставлено на продажу, его купил некто Эбуций, ходатай по делам Цезении. Однако осталось неясным, кто стал собственником поместья: Эбуций или Цезения?

После смерти Цезения оставила трех наследников: Цецину (69/72 долей наследства), отпущенника первого мужа, Фульциния (2/72 доли) и, наконец, Эбуция (1/72 доля). Таким образом, Цецина стал собственником всех имений (в размере 23/24), собственницей которых была его жена. После того как он был утвержден претором во владении завещанными имениями, он хотел уделить Эбуцию его долю. Однако это привело к пререканиям со стороны Эбуция сначала относительно всего наследства, затем он предложил Цецине решить вопрос о принадлежности Фульциниева поместья. В итоге дело кончилось тем, что Эбуций занял поместье вооруженными людьми, а когда Цецина попытался туда проникнуть, его оттуда прогнали.

По факту грубого самоуправства Цецина затребовал у претора восстановительный интердикт *de vi armata*. Эбуций заявил, что данный интердикт к нему не применим; между сторонами состоялась взаимная *спонсия*, на основании которой претор назначил суд рекуператоров. Представителем истца стал Цицерон, представителем ответчика – Пизон.

Цицерон указывал на сам факт вооруженного самоуправства, которого было достаточно для восстановления во владении поместьем. Суть защиты Пизона состояла в следующем. Слово *deiectus* (part. perf. pass. от глагола *deicio*; букв. «прогнанный») применимо только к владельцу поместья. Цецина во владение поместья не вступал и там не находился, т. е. не владел поместьем ни *corpore*, ни *animo*, ему просто не дали войти на территорию поместья (*obstitit*), поэтому интердикт *de vi armata* к данному случаю не относится.

Весьма интересным является то, что Цицерон предостерегает рекуператоров от принятия аргументации Пизона, исходя из правовых последствий их возможного решения. Цицерон утверждает: “...populi Romani causa, civitatis ius, bona, fortunae possessionesque omnium in dubium incertumque revocantur. Vestra auctoritate hoc

constituetur, hoc praescribetur: quicum tu posthac de possessione contendes, eum si ingressum modo in praedium deieceris, restituas oportebit; sin autem ingredienti cum armata multitudine obvius fueris et ita venientem reppuleris, fugaris, averteris, non restitues. Iuris si haec vox est, esse vim non in caede solum sed etiam in animo, libidinis, nisi cruor appareat, vim non esse factam; iuris, deiectum esse qui prohibitus sit, libidinis, nisi ex eo loco ubi vestigium impresserit deieci neminem posse» («...общее дело римского народа, гражданское право, имущества и владения всех граждан потеряют почву под собой. Всем весом вашего авторитета будет установлено на будущее, предписано людям следующему: «Если ты человека, с которым ты ведешь спор из-за владения землей, прогонишь тотчас после того как он вошел в спорное поместье – ты должен водворить его обратно; но если ты, когда он будет приближаться, выйдешь ему навстречу с вооруженными людьми и его отгонишь, обратишь в бегство, заставишь удалиться – ты обратно водворить его не обязан») [14, Cic. Pro Caec. XXVII.76].

Результаты

Дело о Фульциниевом поместье демонстрирует, что определенное судебное решение могло обладать силой авторитета в Риме, поскольку содержало в себе обобщенную юридическую аргументацию или правовые принципы применительно к разбираемой ситуации, которые, однако, могли также использоваться при рассмотрении дел со сходными обстоятельствами. Именно поэтому они становились прецедентами.

Видимо, таких решений в судебной практике Рима было много. К примеру, в «деле воина» правовой принцип определялся ответом на вопрос – может ли сын считаться устраненным от отцовского наследства, если отец не поименовал его в завещании ни как наследника, ни как лишённого наследства [9, Cic. De orat. I.175]. К этой же категории дел относятся: спор об изгнаннике [9, Cic. De orat. I.177]; дело Г. Сергия Ораты [9, Cic. De orat. I.178]; тяжба Мания Курия и М. Капония [9, Cic. De orat. I.180], в которой Красс и Кв. Сцевола, будучи представителями сторон, также ссылались на примеры сходных случаев; наконец, дело об отце семейства, прибывшем из Испании в Рим [9, Cic. De orat. I.177].

Итак, судебные решения в Риме обладали достаточным авторитетом и содержали в себе определенные правовые принципы, которые судьи применяли при рассмотрении дел со сходными обстоятельствами. Это позволяет согласиться с

мнением Г. Ф. Йоловича о том, что «существуют основания думать, что в своем отношении к судебному вердикту римляне первых трех веков нашей эры не столь сильно отличались от англичан, как это принято считать» [4, p. 12].

Список литературы

1. Муцалов Ш. Ш., Динаев И. З. И еще раз к вопросу о судебной практике как источнике российского права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5. С. 257–261.
2. Katzoff R. Sources of Law in Roman Egypt. The Role of the Prefect // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 1980. Teil. II. Bd. 13. S. 807–844.
3. Weiß E. Recitatio und Responsum im römischen Provincialproceß. Ein Beitrag zum Gerichtsgebrauch // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte; Romanistische Abteilung. 1912. Bd. 33. S. 225–232.
4. Jolowicz H. F. Case Law in Roman Egypt // The Journal of the Society of Public Teachers of Law. 1937. Vol. 14. P. 1–16.
5. Браткин Д. А. Судебный прецедент в римском Египте I–III вв. // Вестник древней истории. 2008. № 3 (266). С. 81–93.
6. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1 : кн. 1–4. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2008. 583 с.
7. Дождев Д. В. Римское частное право. М. : Норма, 2008. 783 с.
8. M. Tulli Ciceronis. Rhetorica / recogn. brevique adnot. critica instruxit A. S. Wilkins. T. 2. Oxonii : E Typographeo Clarendoniano, 1911. 276 p.
9. M. Tulli Ciceronis. Rhetorica / recogn. brevique adnot. critica instruxit A. S. Wilkins. T. 1. Oxonii : E Typographeo Clarendoniano, 1902. 270 p.
10. Quintilian; with an English translation / ed. by H. E. Butler. Vol. 2. Cambridge, Mass. ; London : Harvard University Press ; William Heinemann, Ltd., 1921. 532 p.
11. Halm C. Rhetores Latini minores. Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri, 1863. 658 p.
12. Кофанов Л. Л. К интерпретации понятия *praeiudicium* в римском праве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Право. 2012. Т. 8, вып. 1. С. 5–14.
13. Максимов А. А. Прецедент как один из источников английского права // Государство и право. 1995. № 2. С. 97–102.
14. M. Tulli Ciceronis. Orationes / recogn. brevique adnot. critica instruxit A. C. Clark. Oxonii : E Typographeo Clarendoniano, 1909. 495 p.

References

1. Mutsalov Sh. Sh., Dinaev I. Z. And once again to a question of jurisprudence as a source of Russian law. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2014, no. 5, pp. 257–261 (in Russian).

2. Katzoff R. Sources of Law in Roman Egypt. The Role of the Prefect. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, 1980, pt. II, vol. 13, pp. 807–844.
3. Weiss E. Recitatio and responsum in the Roman provincial process. A contribution to court usage. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte; Romanistische Abteilung*, 1912, vol. 33, pp. 225–232 (in German).
4. Jolowicz H. F. Case Law in Roman Egypt. *The Journal of the Society of Public Teachers of Law*, 1937, vol. 14, pp. 1–16.
5. Bratkin D. A. Precedent in Roman Egypt (1st to 3rd Centuries AD). *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 2008, no. 3 (266), pp. 81–93 (in Russian).
6. *Digesty Yustiniana* [The Digest of Justinian / transl. from Latin; ans. ed. L. L. Kofanov. Vol. 1, book 1–4. 2nd ed.]. Moscow, Statut Publ., 2008. 583 p. (in Russian).
7. Dozhdev D. V. *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow, Norma Publ., 2008. 783 p. (in Russian).
8. M. Tulli Ciceronis. *Rhetorica* / recogn. brevique adnotat. critica instruxit A. S. Wilkins. T. 2. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1911. 276 p. (in Latin).
9. M. Tulli Ciceronis. *Rhetorica* / recogn. brevique adnotat. critica instruxit A. S. Wilkins. T. 1. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1902. 270 p. (in Latin).
10. Butler H. E. (ed.). *Quintilian : with an English translation*. Vol. 2. Cambridge, Mass., London, Harvard Univ. Press, William Heinemann, Ltd., 1921. 532 p.
11. Halm C. *Rhetores Latini minores*. Lipsiae, In aedibus B. G. Teubneri, 1863. 658 p. (in Latin).
12. Kofanov L. L. About the Interpretation of ‘praeiudicium’ concept in Roman law. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Pravo* [Vestnik NSU. Series: Law], 2012, vol. 8, iss. 1, pp. 5–14 (in Russian).
13. Maksimov A. A. Precedent as one of the sources of English law. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1995, no. 2, pp. 97–102 (in Russian).
14. M. Tulli Ciceronis. *Orationes* / recogn. brevique adnotat. critica instruxit A. C. Clark. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1909. 495 p. (Latin).

Поступила в редакцию 27.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 12.12.2022
The article was submitted 27.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 12.12.2022